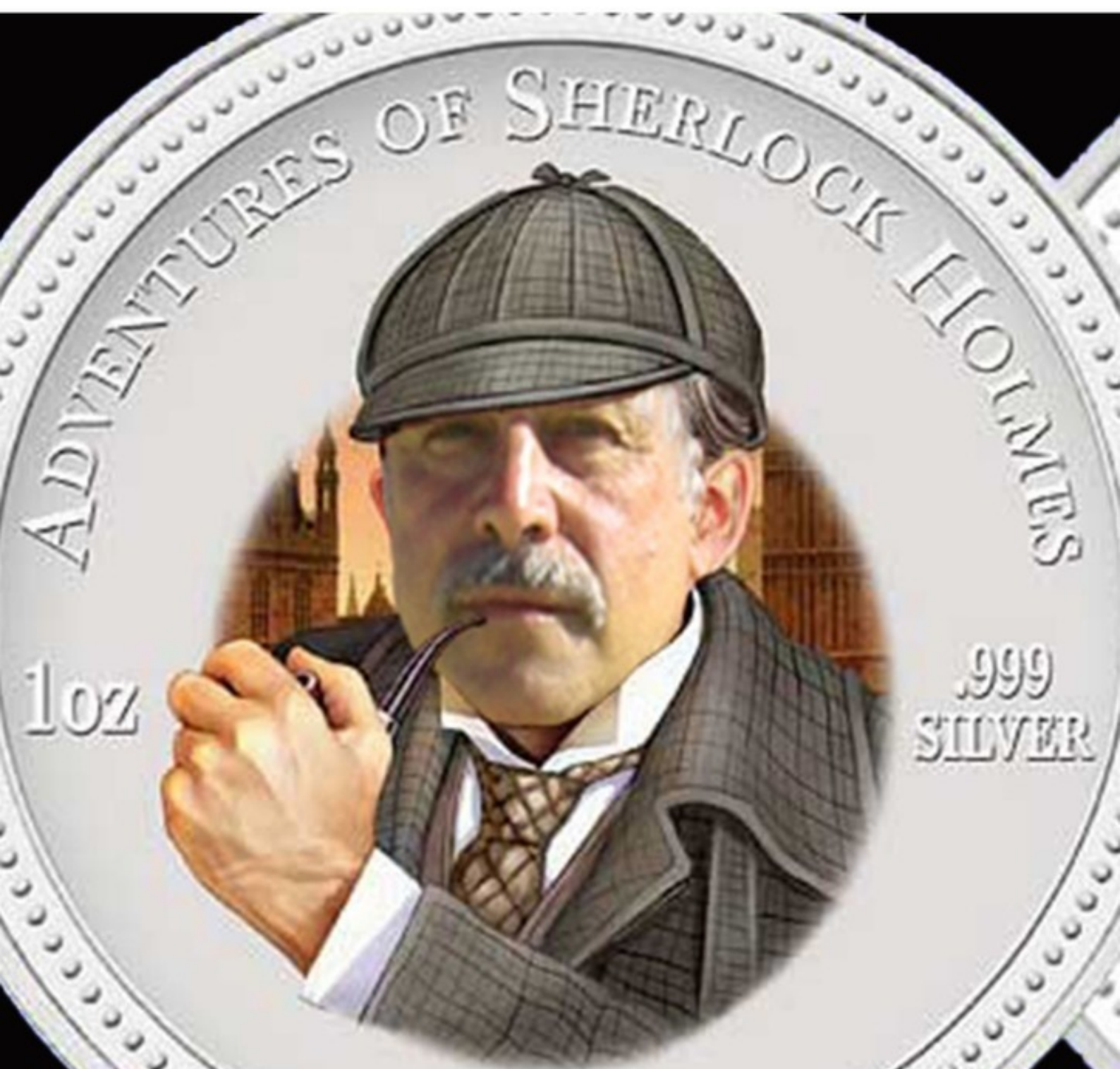

Жан Висар
И снова Шерлок Холмс

«Кривая усмешка дамы пик», «Тайна замка Мэн», «Голова»

Жан Висар

**И снова Шерлок Холмс.
«Кривая усмешка дамы пик»,
«Тайна замка Мэн», «Голова»**

«Издательские решения»

Висар Ж.

И снова Шерлок Холмс. «Кривая усмешка дамы пик», «Тайна замка Мэн», «Голова» / Ж. Висар — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-937143-0

Мало кто знает, что друг известного всему миру Шерлока Холмса, не менее известный доктор Ватсон, частенько помогал великому сыщику в раскрытии преступлений не только на территории самого Британского королевства, но и далеко за его пределами...

ISBN 978-5-44-937143-0

© Висар Ж.
© Издательские решения

Содержание

КРИВАЯ УСМЕШКА ДАМЫ ПИК	6
Великий кокаинист	7
Доклад Шерлока Холмса	15
Версия Шерлока Холмса	18
Рассказ графини Томской	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

И снова Шерлок Холмс «Кривая усмешка дамы пик», «Тайна замка Мэн», «Голова»

Жан Висар

Иллюстратор обложки Мария Васильевна Сарбаш

© Жан Висар, 2018

ISBN 978-5-4493-7143-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодарность: сердечно благодарю мою дочь Машу за прекрасно сделанную картинку для обложки этой книги.

Вместо предисловия

Несколько лет назад, когда мы летом отдыхали в маленьком домике моих родителей в Полушкино и уже готовились к переезду в Голицино, я, занимаясь косметическим ремонтом нашего домика и тем самым подготавливая его к продаже, забрался на чердак, на котором до сего момента еще ни разу не бывал.

Тут надо отметить, что тот домик, построенный еще моим отцом, был так мал, что попасть на его чердак можно было только снаружи, через небольшое, когда-то намертво заколоченное слуховое окошко.

Для ремонта дома мне нужен был хоть какой-то пиломатериал и, зная, что оставшиеся после постройки обрезки бруса и досок строители обычно оставляют на чердаке, я не поленился, сходил к соседям за лестницей, открыл окно и с трудом пролез через его узкий зев внутрь.

Ожидания не обманули меня. Справа вдоль крыши аккуратной стопкой лежали высохшие до приятного звона аккуратно отструганные доски. А с другой стороны, в дальнем углу прямо под откосом крыши я обнаружил еще и картонную коробку из-под ботинок, внутри которой лежал кожаный военный планшет, а внутри него завернутая в ломкую от времени еще дореволюционную газету толстая тетрадь в коленкоровом переплете. Я отвернул неподатливо хрустнувший корешок и прочитал:

КРИВАЯ УСМЕШКА ДАМЫ ПИК

Составлено с любезного согласия частного сыщика-консультанта мистера **Шерлока Холмса**, эсквайра

Великий кокаинист

Стоял конец сентября, и осенние бури свирепствовали с неслыханной яростью. Целый день завывал ветер, и дождь так громко барабанил в окна, что даже здесь в самом центре Лондона, этого огромного творения рук человеческих, мы невольно отвлеклись на миг от привычной повседневности и ощущали присутствие грозных сил разбушевавшейся стихии, которые, подобно запертым в клетку диким зверям, рычат на смертных, укрывшихся за решетками цивилизации. К вечеру буря разыгралась сильнее; ветер в трубе плакал, как ребенок. А. Конан-Дойль.

Шерлок Холмс мрачно сидел в своем кресле у окна и приводил в порядок свою карту-теку. Он то и дело вытаскивал то одну, то другую книгу из стенного шкафа и переписывал что-то оттуда на свои бесчисленные карточки, а я, расположившись у камина напротив, так углубился в чтение этой, случайно оказавшейся у меня в руках, жемчужины мировой литературы, что мне даже стало казаться, будто этот лондонский шторм за стеной, ни что иное, как завывание метели в далеком, занесенном снегом, фантастическом северном городе, а колеблющийся отсвет газового фонаря в окне – мерцание золотой лампы перед киотом, наполненным старинными образами, лампадой, смутно проявляющей во мраке застывшее тело мистической и к тому моменту уже мертвой русской графини:

«Она сидела у себя в спальне в огромном вальтеровом кресле. Ужас застыл в ее раскрытых мутных глазах...»

Отложив прочитанную книгу в сторону и все еще находясь под впечатлением лихо закрученного сюжета, я краем глаза машинально заметил, что Холмс взял с полки пузырек и вынул из аккуратного сафьянового несессера завернутый в тряпицу шприц для подкожных инъекций. Нервными длинными пальцами он умело закрепил в шприце иглу и завернул манжет левого рукава. Несколько времени, но недолго, он задумчиво смотрел на свою мускулистую руку, испещренную бесчисленными точками предыдущих инъекций. Потом ловко вонзил острие и через мгновение откинулся на спинку плюшевого кресла, глубоко и удовлетворенно вздохнув.

Три раза в день в течение многих месяцев я был свидетелем одной и той же сцены, но так и не смог к ней привыкнуть. Наоборот, я с каждым днем чувствовал все большее раздражение и мучился оттого, что у меня никогда не хватит смелости протестовать против этого. Снова и снова я давал себе клятву сказать моему другу, что я думаю, о его привычке, но его холодная, бесстрастная натура мгновенно пресекала любые попытки наставить его на путь истинный. Зная его выдающийся ум, властный характер и другие исключительные качества, я каждый раз робел и язык прилипал у меня к гортани.

Но в тот день, то ли благодаря кларету, выпитому за завтраком, то ли под влиянием только что прочитанного, я не выдержал и взорвался:

– Что сегодня, – спросил я, – морфий или кокаин?

Холмс лениво отвел глаза от старой книги с готическим шрифтом, раскрытой у него на коленях.

– Кокаин, – ответил он, – семипроцентный. Хотите попробовать?

– Благодарю покорно! – отрезал я. – Мой организм еще не вполне оправился после афганской компании. И я не хочу подвергать его лишней нагрузке.

Холмс лишь улыбнулся моему возмущению.

Возможно, вы правы, Ватсон, – сказал он. – И наркотики вредят здоровью. Но зато я открыл, что они удивительно стимулируют умственную деятельность и проясняют сознание. Так что их побочным эффектом можно и пренебречь.

– Но подумайте, – горячо воскликнул я, какую цену вы за это платите! Я допускаю, что мозг ваш начинает интенсивно работать, но это губительный процесс, ведущий к перерождению нервных клеток и, в конце концов, к слабоумию. Вы ведь хорошо знаете, какая потом наступает реакция. Нет, Холмс, право же, игра не стоит свеч! Как можете вы ради каких-то нескольких минут возбуждения рисковать удивительным даром, каким природа наделила вас? Поймите, я говорю с вами не просто как приятель, а как врач, отвечающий за здоровье своего пациента.

– Мой мозг, – сказал он, – опершись локтями о ручки кресла и соединив перед собой кончики растопыренных пальцев, – бунтует против безделья. Дайте мне дело! Дайте мне сложнейшую проблему, неразрешимую задачу, запутаннейший случай – и я забуду про искусственные стимуляторы. Я ненавижу унылое, однообразное течение жизни, доктор! Мой ум требует напряженной деятельности. Именно поэтому я и выбрал для себя свою уникальную профессию, точнее, сам создал ее, потому что второго Шерлока Холмса нет на свете!

– Единственный на весь мир частный детектив? – спросил я, насмешливо поднимая брови.

– Единственный частный детектив-консультант, – поправил меня Шерлок Холмс. – Последняя и высшая инстанция. Когда Грегсон, Лестлейд или Этенли Джонс в тупике, они немедленно зовут меня...

Эта наша шутивая пикировка происходила в хорошо знакомой вам по прежним моим рассказам, уютной и такой для меня привычной гостиной. Моя жена уехала к тетке, и я на несколько дней устроился в этой нашей старой квартирке на Бейкер-стрит.

– Но достаточно об этом, Ватсон, – Холмс пристально посмотрел на меня. – Скажите лучше, что вас могло там так заинтересовать? Да, да! Заинтересовать в той маленькой книжонке, которую вы только что с таким благоговением аккуратно положили на полку? Вот уже с час, как вы сидите в кресле, сидите тихо как мышь, погружившись в какой-то неведомый для меня, полностью захвативший вас мир, причем захвативший настолько глубоко, что я в теперешнем моем состоянии даже немного завидую этой вашей страстной заинтересованности. И вот что в связи с этим пришло мне сейчас в голову. Не обижайтесь, Ватсон, но с таким богатым воображением, как у вас, действительно, нет смысла прибегать к таким искусственным кокаиновым мерам, какими балуется от тоски ваш покорный слуга, – закончил он насмешливо, даже не пытаясь скрыть при этом весь язвительный, но веселый сарказм, вложенный им в этот небольшой спич.

Но я и не думал на него обижаться. Это его оживление указывало лишь на то, что введенный наркотик уже начал свое возбуждающее действие на его деятельный организм, настоятельно требующий очередной встряски.

– Ваш сарказм, Холмс, – отпарировал я, – совершенно напрасен. Да и с чего вы взяли, что я так уж увлечен чтением этой, действительно занимательной для меня вещицы? Хотя мастерски написанные автором сцены, в том числе, кстати, и криминальные, заслуживают, на мой взгляд, не скромного внимания дилетанта, а серьезного анализа такого непревзойденного мастера дедукции, коим вы только что мне представились. Вы же теперь именуете себя не иначе, как – детектив-консультант?

Холмс весело рассмеялся этой моей ответной шутке, успев все-таки при этом, ухватить свободной рукой свою дымящуюся трубку, чуть было не выпавшую у него изо рта от внезапно нахлынувшего вдруг смеха.

– Координация движений уже нарушилась, – с какой-то горечью подумал я.

А он, как будто прочитав мои мысли, все-таки совладал с собой и продолжил, теперь уже серьезным, менторским тоном, плавно покачивая в воздухе подхваченной трубкой. Такая внезапная перемена его настроения меня тоже не тревожила. Все это весьма характерно при приеме таких алкалоидных средств, как кокаин.

– Это элементарно, Ватсон, – продолжал он, не замечая, что пепел из его трубки, той самой, хорошо вам известной трубки вишневого дерева, немилосердно сыпется на черный атласный воротник его фланелевого халата.

– Вам, как физиологу, стыдно не знать, что при чтении, человек скользит по строчкам текста не только глазами, но и головой, рефлекторно, еле заметно поворачивая ее вслед за движениями глаз. Легко соизмерив ритм вашего чтения с ритмом метронома, стоящего, как вы можете наблюдать, на каминной полке прямо перед нами, я, естественно, и уже давно вычислил скорость вашего чтения. Обычно она равна трем секундам на каждую прочитанную вами строку, что составляет для книги обычного формата, – 126 секунд на 42 строки, то есть, приблизительно, – 2 минуты на одну страницу прочитанного текста. Скорость чтения, замечу я вам, так себе – не самая быстрая. Используя современный метод скорочтения известного психолога, сэра Теодора Вильсона, я, например, читаю в три раза быстрее... Но, к сути! Сегодня все это выглядит по-другому. Вот уже более часа как я заметил, что эта скорость вдруг резко возросла и составила уже не две, а одну и две шестых минуты на одну страницу. Из чего я с очевидностью заключаю следующее:

1-е, – Книжка, еще минуту назад находившаяся в ваших руках, необыкновенно вас заинтересовала.

2-е, – Объем прочитанного вами текста составляет около 39-ти страниц, что явно недостаточно для романа и в тоже время слишком длинно для хорошего рассказа. Так что с большой уверенностью можно сказать, что прочитанное вами ни что иное, как повесть или новелла.

3-е, – Повесть эта уже дочитана вами до конца, причем, взахлеб, не отрываясь, потому что в процессе этого, так захватившего вас чтения, вы бы ни за что на свете, не прервались бы на такую ерунду, как эти, совсем не свойственные вам медицинские советы, по поводу аморального поведения моей скромной персоны.

– Вы удовлетворены моими выводами, Ватсон?

– Вполне, Холмс, – ответил я, автоматически отметив про себя, что даже в таком одурманенном состоянии его деятельный мозг, эта его «машина для анализа», работает с выверенной точностью швейцарского хронометра.

– Но мне бы хотелось и вам, дорогой мой Ватсон, тоже задать вопрос. Всего один. И вопрос этот будет такой: *что же это за удивительная книжка, вызвавшая у вас такую экстраординарную реакцию???*

– Эта книга, – просто ответил я, – представляет из себя, как вы верно подметили, лишь небольшую повесть, написанную всемирно-известным поэтом и литератором, создавшим в свое время немало изумительнейших произведений. Я бы даже сказал, непревзойденных произведений. Особенно, по глубине понимания автором тайн человеческой природы. Это было написано еще в начале нашего века, когда он служил при дворе, его императорского величества, Николая II, где имел честь состоять придворным поэтом. Впрочем, тот дал ему чин камер-юнкера и приблизил его ко двору в основном лишь для того, чтобы иметь возможность лицезреть его не менее знаменитую жену, – прелестницу Натали.

– Русский?! – почему-то удивился Холмс, – всемирно-известный? Натали? Странно. Никогда не слышал ни слова об этом!

– Тут нет никаких причин для беспокойства, Холмс. Если вы, оберегая от засорения свой гениальный мозг, каким-то непостижимым для меня образом умудряетесь не знать даже кто такой Николай Коперник – и что Земля круглая, то и отсутствие всякого представления об этом величайшем русском поэте, вам тоже вполне простительно.

– Его имя, Ватсон? Может быть, я тогда его вспомню?

– Пушкин Александр Сергеевич.

– Как, как? – я не понял последнего слова? – При этом Холмс изобразил на лице гримасу полного недоумения и даже некоторой брезгливости, – Сер-ге-е-выч, – по складам, с трудом заставив себя сделать ударение на последнем слоге, медленно повторил он. – Этот, их совершенно варварский обычай ставить ударную гласную, где придется, даже и в самый конец некоторых слов, буквально выводит меня из себя. Такое беспардонное отношение к своему родному языку не доведет их до добра. Попомните мое слово, Ватсон, эту огромную и несчастную страну ждут впереди великие потрясения...

– И, тем не менее, – Холмс опять вернулся к основной теме, – что же это все-таки за книжица, Ватсон? Как называется? О чем? Что-то, наверняка, философическое. Эти русские через один – сплошные философы.

– А вот и нет! Тут Холмс, ваша хваленая дедукция вас подвела. Никакой философии. Просто обычный случай из жизни, правда, не совсем ординарный. А сочинение называется так... – я несколько замешкался, ища наиболее адекватный перевод этого карточного термина. – По-английски это должно, наверное, звучать как «The Queen of spades» или что-то в этом роде. Тут я полный профан. Вы же знаете, Холмс, я никогда не брал в руки карты. Гольф или, этот снова входящий в моду бильярд, где нужна крепкая рука и верный глаз, – вот настоящий спорт для истинного джентльмена!

– Подождите, подожди! Я что-то не совсем вас понял, как это – «в переводе»? – Холмс быстро вскочил со своего кресла, в два шага, оказался рядом со мной и тут же вернулся обратно. Теперь моя книжонка была уже в его руках, а лицо выражало крайнюю степень удивления. Я никогда даже не видывал его таким. И кокаин, как вы догадываетесь, был здесь уже совершенно ни при чем. Он поворачивал тоненькую брошюрку и так, и эдак, перелистывал ее, с удивлением глядя на непонятный ему текст, обнюхивал снаружи, и заглядывал внутрь, снова смотрел, изумляясь, на ее обложку...

– Ватсон! – с какой-то хрипотцой в голосе обратился он ко мне, обретя, наконец, дар речи, – Ватсон! Вы что умеете читать на этом жутком, тарабарском языке???

– Да, – скромно отвечал я, стараясь не показать ему, как мне приятно это его неподдельное восхищение моей персоной. По-видимому, это было то единственное достоинство, которое ему удалось обнаружить во мне за все годы нашей с ним довольно плотной дружбы.

– Да, повторил я, – ваш покорный слуга научился этому в Афганистане, в госпитале, где на протяжении нескольких месяцев моим пациентом был один тяжелораненый русский офицер. Потом, когда я уже сам получил ранение и тоже занял место на больничной койке, у меня образовалось масса свободного времени для закрепления и совершенствования в этом языке. Языке, скажу вам прямо, Холмс, сложном, противоречивом, безобразно запутанном, но, безусловно, выдающимся по своим художественным возможностям и неисчерпаемому богатству в изображении тончайших нюансов нашего внутреннего и внешнего мира. За те несколько месяцев я буквально взахлеб, упиваясь, прочитал почти всех известных русских классиков, и смею вас уверить, Холмс, ни разу не пожалел о потраченном на это времени. Некоторые их этих произведений просто изумительны. Конечно, я понимаю, – Шекспир. Конечно, – Шиллер и Диккенс. Конечно, – согласен! Но иной раз, друг мой, сравнение общепризнанных гигантов английской классической литературы с прочитанными мною скромными работами этих русских, наводит меня на такие нелicenseприятные для нас англичан сравнения, что просто стано-

вится грустно. Как-то все у них там живет, Холмс, сочнее и натуральнее. Так прямо и хочется попробовать все это на вкус...

– Это поразительно, Ватсон! – снова вскрикнул Холмс, – все еще находящийся в крайней стадии изумления, – и за все эти годы я даже не подозревал об этом вашем достоинстве, да что там говорить – о бесценном даре! Вот вам и частный детектив-консультант! Вот вам и чародей с дедуктивным методом! Просто позор! А вы, Ватсон, – тоже хороши! Помните, когда я расследовал дело этого русского посланника, – ну, все эти их подметные письма, прокламации и все такое прочее? Мне ведь пришлось тогда просить помощи у известного русиста, профессора из Гарварда. И все это только для того, чтобы внести кое-какие уточнения и оценить правильность сделанных английских переводов. А вы даже и словом обо всем этом не обмолвились!

– Мне было тогда совсем несложно помочь вам дорогой Холмс, – вежливо ответил я, – но вы же *не просили* меня об этом.

Да, сегодня, безусловно, был мой день! Изумление моего друга, сменилось неподдельным чувством восхищения, и даже гордости. Причем, не столько мною, а, как я понял, скорее, к хорошо известным, свойственным только нашей национальной традиции, чисто английским качествам характера:

Никогда, и ни при каких обстоятельствах, даже и на виселице, – не суетиться.

Будучи по горло в дерьме, – не терять чувства собственного достоинства.

А главное, – не совать нос в чужие дела до тех пор, пока тебя самого об этом не попросят...

Но, простите меня, джентльмены, мы, кажется, несколько отвлеклись от темы. Вернемся-ка снова к нашей непринужденной дружеской болтовне.

– И о чем же пишет там этот ваш Пушкин? – Холмс пододвинул свое кресло поближе к огню, и тем самым, оказался рядом со мной.

– О чем могут писать русские, Холмс, естественно, только о любви...

Я специально дал небольшую паузу, хорошо зная отношение моего друга ко всем вопросам, связанным с проблемами взаимоотношений полов, но, увидев, что его лицо сразу стало сжиматься в гримасу неприязненной скуки, приобретая портретное сходство с сушеной грушей, я сжалился над ним и быстро добавил, – о любви к деньгам, конечно. Эта вечная тема, насколько я знаю, вам значительно ближе, Холмс?

Мы еще немного посмеялись этому моему удачному каламбуру, а потом я, действительно, вкратце, пересказал ему весь сюжет этого небольшого и, в общем-то, незамысловатого рассказа, сверяясь иногда с оригинальным текстом брошюры. На протяжении всей моей речи Шерлок Холмс сосредоточенно молчал, ни разу не перебив меня каким-либо вопросом, молчал даже и при описании мною явно криминальной части этой драмы. Расслабленно развалившись в кресле и вытянув свои длинные ноги в остроносых домашних туфлях к самому обрезу каминной решетки, он, как кот, жмурясь на огонь, сосредоточился лишь на выпуске из рта плотных колечек дыма, ловко направляемых им прямо в раскаленную пасть пылающего камина. Всего пару раз он как будто выходил из этого своего оцепенения и жженой спичкой быстро делал какие-то короткие заметки на белоснежной манжете, выступающей из рукава его халата.

А в самом конце моего повествования он вдруг остановил меня. Его почему-то заинтересовала финальная сцена повести – сцена карточной игры, хотя я не нашел в ней вообще ничего интересного или информативного. Поскольку, как вы уже знаете, в таких азартных играх я не силен, то Холмс попросил меня перевести предельно точно лишь те моменты последней главы, в которой главный герой, Германн играет в карты с второстепенным и случайным персонажем этой повести – неким заезжим Чекалиным. Это, простое на первый взгляд, задание оказалось для меня, совсем не таким уж и простым. Пришлось рыться в словарях, чтобы разобраться в довольно сложной карточной терминологии того времени. А перевода слова «обдёр-

нуться» вообще не удалось найти. В итоге, поскольку игра там повторялась трижды, у меня получилось три достаточно бессвязных отрывка. Мой перевод этих фраз я привожу ниже в том порядке, в каком они идут по тексту:

Первый день. Ставка Германа 47 тыс. руб. – выигрыш 94 тыс. руб.*

«Наконец талья кончилась. Чекалинский стасовал карты и приготовился метать другую. Позвольте поставить карту, – сказал Германн. ...Он стал метать. Направо легла девятка, налево тройка. – Выиграла! – сказал Германн, показывая свою карту. ...Чекалинский нахмурился, но улыбка тотчас возвратилась на его лицо. – Изволите получить? – спросил он Германа. – Сделайте одолжение. Чекалинский вынул из кармана несколько банковых билетов и тотчас расшелся. Германн принял свои деньги и отошел от стола. Нарумов не мог опомниться. Германн выпил стакан лимонаду и отправился домой».

Второй день. Ставка Германа 94 тыс. руб. – выигрыш 188 тыс. руб

«На другой день вечером он опять явился у Чекалинского. Хозяин метал. Германн подошел к столу; понтеры тотчас дали ему место, Чекалинский ласково ему поклонился. Германн дождался новой тали, поставил карту, положив на нее свои сорок семь тысяч и вчерашний выигрыш. Чекалинский стал метать. Валет выпал направо, семерка налево. Германн открыл семерку. Все ахнули. Чекалинский видимо смутился. Он отсчитал девяносто четыре тысячи и передал Германину. Германн принял их с хладнокровием и в ту же минуту удалился».

Третий день. Ставка Германа 188 тыс. руб., – выигрыш Чекалинского 188 тыс. руб. Германн разорен.

«В следующий вечер Германн явился опять у стола. Чекалинский стал метать, руки его тряслись. Направо легла дама, налево туз. – Туз выиграл! – сказал Германн и открыл свою карту. – Дама ваша убита, – сказал ласково Чекалинский. Германн вздрогнул: в самом деле, вместо туза у него стояла пиковая дама. Он не верил своим глазам, не понимая, как мог он обдернуться. В эту минуту ему показалось, что пиковая дама прищурилась и усмехнулась».

Здесь, и далее по тексту, сами цитаты из повести Пушкина «Пиковая дама» отмечены мною курсивом (прим. Д-ра В.)

Холмс очень внимательно изучил эти мои переводы, хотя мы битый час возились с этим. Он не успокоился, пока не убедился в абсолютно правильном понимании этого непростого русского текста. После этого он опять, вытянув и скрестив свои длинные ноги, буквально улегся в свое кресло перед камином и задумчиво произнес всего лишь одну загадочную для меня фразу: «Я так и думал...»

Когда же я дочитал ему всю повесть до конца, то в комнате на некоторое время зависло какое-то тяжелое, неловкое молчание. Мне на секунду даже показалось, что Холмс задремал, пригревшись у огня, но вдруг я услышал его обычный, как всегда бодрый и уверенный голос. От неожиданности я даже вздрогнул, – прошли годы, но я все еще никак не мог привыкнуть к этой его странной манере слушать собеседника и одновременно полностью погружаться в одному ему известные мысли.

– Какую скверную историю, Ватсон, сочинил этот ваш русский кумир! А может, и не сочинил, а просто списал ее из реальной жизни? А, Ватсон? Но в остальном, вы правы: изложена она так ярко, так толково и профессионально, а главное с таким вниманием к важным нюансам и деталям, что не уступит по своей тщательности чрезвычайно толковому полицей-

скому отчету. Этот ваш Пушкин, действительно, способный малый – вложить в такой короткий рассказ столько фактического материала, да еще с таким грамотным описанием всех, даже весьма пикантных, подробностей этого непростого дела. Уж поверьте мне, – тут надо или иметь огромный опыт в составлении подобных документов, или самому хорошо быть осведомленным во всей подоплеке этого, уже сейчас скажу вам, Ватсон, безусловно, грязного дела!

– По-моему вы слишком торопитесь с выводами, Холмс! Есть еще один вариант, который вы не назвали, – сказал я, с некоторым даже пафосом защищая великого классика, – просто быть гениальным писателем!

– Возможно, возможно, – рассеянно согласился тот, – вполне возможно, но, главное Ватсон, в том, что вы абсолютно правы. Тут есть над чем подумать. И крепко подумать. Дело это, надо сказать, редчайшее и преинтереснейшее. Вы меня просто им заинтриговали. Жаль, что через столько-то лет раскопать необходимые нам детали, будет не так-то и легко, да еще черте где – в далекой России! Но, как, по-моему, именно там принято говорить: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей». И, если я успею еще сегодня отдать некоторые распоряжения, то многие материалы по этому делу будут у меня уже завтра утром, часть появится позднее по почте, а к обеду уже следующего дня ясности в этом вашем, я абсолютно уверен, сугубо криминальном деле, существенно прибавится.

Да! Теперь Холмса было просто не узнать. Тот, томящийся от скуки меланхолик, которого мы с вами наблюдали всего час назад, исчез. Как будто испарился. Передо мной сидел прежний Холмс. Вернее, уже не сидел расслабленным кокаинистом в своем кресле, а быстро ходил из угла в угол нашей небольшой гостиной. Ссутулившись и заложив свои долговязые руки за спину, он всем своим видом напоминал уже вышедшего на ночную охоту хищника. Его горящие глаза были снова полны энергии, блистательная чистота огромного лба отражала неистовую работу мысли, а трубка испускала такие густые клубы дыма, какие под силу лишь мощному паровозу, влекущему в гору тяжело груженный состав. Холмс полностью погрузился в это дело, и теперь ничто и никто не мог уже его остановить...

По собственному опыту зная, что на этой стадии – стадии осмысления, от моего друга все равно добиться ничего путного невозможно, я, ответив ему на какие-то, на мой взгляд, совершенно второстепенные и несущественные вопросы, удалился в свою комнату.

Часы на каминной полке отзвонили два часа ночи...

Заснуть, правда, мне удалось лишь под утро. Прочитанный рассказ, а еще больше такая бурная реакция Холмса на него, не выходили у меня из головы. Я, лежа, еще раз просмотрел русский текст и даже составил список основных действующих лиц повести, который, кстати, и предоставляю ниже вашему вниманию:

Список основных персонажей повести А. Пушкина

Список составлен мною в том порядке, в каком эти персонажи встречаются в оригинальном русском тексте

- 1. Нарумов, конногвардеец, друг Германа;
- 2. Германн, военный инженер;
- 3. Томский Павел Александрович, молодой граф, любимый внук старухи-графини;
- 4. Сама старуха-графиня;
- 5. Лизавета Ивановна, ее воспитанница;
- 6. Полина, юная княжна, тайная невеста графа Томского;
- 7. Чекалинский, карточный игрок.

Сколько я не рассматривал его, покрасневшими от усталости глазами, вспоминая все, что случилось в повести со всеми этими героями, сколько не прикидывал описанные там события и так, и эдак, ничего путного у меня так и не выходило...

Утром я проснулся поздно, совершенно разбитым и не в лучшем расположении духа. Скорее всего, волнения вчерашнего вечера и связанное с ним нарушение сна было тому причиной. Да и полученное мною ранение еще давало о себе знать. Позавтракав на скорую руку и узнав у миссис Хадсон, что Шерлок Холмс, просидев с трубкой в своем любимом кресле всю ночь, утром куда-то бесследно исчез, даже не выпив и чашечки кофе, что было явным признаком его полного погружения в это дело, я тоже раскланялся с нашей хозяйкой и отправился по своим профессиональным делам. Один капитан в отставке, знакомый мне еще с Афганистана, страдающий тяжелой эмфиземой легких, очень меня тревожил и требовал неотлагательного и очень тщательного осмотра. Вечером я освободился поздно и, наскоро пообедав в клубе, поехал ночевать к себе домой.

На Бейкер-стрит я появился снова только часа в два пополудни на следующий день и к счастью своему застал Холмса дома, за обеденным столом. Он с большим аппетитом расправлялся с огромным кровавым бифштексом под грибным соусом, что могло означать лишь одно: очередное его дело почти полностью раскрыто и стремительно катится к своему завершению. В процессе же самого расследования, как вы, наверное, помните, Холмс не позволял себе даже маковой росинки, «питаясь» только табачным дымом, непрерывно дымящей своей трубки, которую он в такие часы ни на секунду не выпускал изо рта.

Мы немного посидели за столом, как в старые добрые времена, вместе полакомились бесподобным абрикосовым пудингом, который умеет готовить только миссис Хадсон, причем по своему собственному секретному рецепту. Этот рецепт мне в свое время так и не удалось выпытать у нее, хотя она знала, что я делаю это исключительно для того, чтобы порадовать им мою молодую жену. Потом мы выпили с ним по стаканчику прекрасного бренди двадцатилетней выдержки, которое преподнес ему один из его благодарных клиентов. Бренди было действительно великолепно. Взяв с собой бокалы, мы по старинной нашей привычке усадились в кресла перед камином и, не сговариваясь, одновременно стали набивать свои трубки табаком.

Первым вернулся к нашему делу Холмс. Так уж у нас было с ним заведено. Он всегда сам определял «моменты истины». Так мы называли с ним ту фазу в его расследованиях, когда накопившиеся факты позволяют ему приобщать к результатам и выводами его очередного, блистательно расследованного дела, уже и вашего покорного слугу. Кстати, Холмс был совершенно безразличен к моим скромным попыткам проявить себя на поприще его домашнего библиографа, хотя всегда обязательно и очень тщательно просматривал мои скромные рассказы о самых громких его делах. Рассматривал и прежде чем рукописи попадали к нашим издателям, самолично вносил в них свои корректировки. Так же тщательно он следил и за тем, чтобы я всегда имел исчерпывающую информацию о его новых, еще незнакомых широкой публике, приключениях.

– Ну, что ж, дорогой мой Ватсон, – начал он, уже попыхивая раскуренной трубкой, – ваше «литературное» дело движется к своему завершению. И дело это, скажу я вам, интереснейшее! Правда, пришлось с ним изрядно повозиться. Весь вчерашний день, ночь и утро сегодняшнего дня я отбирал необходимую и, честно скажу вам, уникальнейшую информацию. Информацию практически недоступную для обычного, простого смертного.

Холмс с хитринкой и с некоторой гордостью посмотрел на меня, ожидая моей реакции, которая и не преминула последовать, хотя и была по-английски крайне лаконична: мое лицо тут же выразило смесь восхищения, немого вопроса и безграничного внимания.

Доклад Шерлока Холмса

воспроизведенный мною по памяти, остротой которой я, слава богу, пока не обижен.

– Ну, хорошо! – Холмс глубоко затынулся и, выпустив тонкую струю дыма в черноту еще не разожженного камина, продолжил.

– Не буду больше испытывать ваше любопытство, доктор, скажу лишь, что благодаря моему старшему брату, Майкрофту, которого вы, кстати, прекрасно знаете, всю вторую половину вчерашнего дня и всю последующую за этим ночь весь штат министерства иностранных дел всего Объединенного Королевства не спал в своих постелях, а занимался разрешением всего лишь одного вопроса. А именно: «Что необычного произошло в далеком городе Петербурге, в период с седьмого по четырнадцатое декабря 18** года», – закончил он и гордость, то ли за свои безграничные возможности, то ли за возможности всего нашего Объединенного Королевства, так и прыгала в его выразительных карих глазах.

– Представляю, что там творилось, если в наше дело включился ваш брат Майкрофт. Ведь его неукротимая энергия сравнима с деятельностью целого министерского корпуса!

– Благодарю вас Ватсон за такую высокую, на ваш взгляд, оценку возможностей моего брата, но вынужден вас огорчить – вы этого себе просто не представляете и даже не можете этого представить! – «Деятельность целого министерства» – да вы что, Ватсон! Если вы знаете меня, то уж наверно можете себе представить, что из себя представляет мой *старший* брат. Ту колоссальную энергию, какую я направил на раскрытие преступлений, он поставил на службу отечеству. Ему вручают заключения всех департаментов, и всех ведомств всех графств; он то центр, то расчетная палата, где подводится общий баланс всей страны, то эксперт по самым современным военным вопросам. Он знает все. Остальные являются лишь специалистами в той или иной области, его же специальность – быть специалистом во всем и знать все! И все это вместе, Ватсон, – мой старший брат Майкрофт!

Вы не поверите, но когда вчера он провел меня в секретный зал центрального диспетчерского отделения министерства связи и информации, непосредственно соединенный прямой телетайпной связью с двадцатью восемью главными столицами мира, включая государства Европы и даже Азии, я просто растерялся. Да, да, Ватсон, растерялся, как мальчишка-разносчик на углу Таймс-Сквер, которому по ошибке вместо сдачи в один шиллинг дали вдруг стофунтовый банковский билет. Вы только представьте себе стрекот одновременной работы десятков аппаратов Морзе! Целые ряды шифровальщиц, шифровальные карты, в руках которых мелькают также быстро, как веера вспотевших дам, сидящих вдоль стен бальной залы на Пикадилли. Картотеки, уходящие к высоким потолкам, для работы с которыми приходится пользоваться специальными стремянками, высоту которых можно менять, не слезая с верхней площадки, путем вращения специального штурвального колеса. Это все настолько грандиозно, что просто не поддается описанию. А когда мой брат провел меня в сверхсекретный бункер, – тут Холмс оглянулся по сторонам, как бы для того, чтобы удостовериться, что в комнате кроме нас никого нет, и, перейдя на шепот, продолжил, – ...то я узнал от него такое, во что никогда в жизни не поверил бы, если бы сам не увидел это собственными глазами, вернее не услышал это собственными... Короче, это просто какое-то чудо, Ватсон! Мистика!

Представляете, уже изобретен аппарат, кстати, придумал его тоже кто-то из русских, но первыми его запатентовали, конечно, СевероАмериканские Штаты, хотя благодаря нашей разведке, чертежи этого секретного патента уже через три дня лежали на столе командующего войсками связи, сэра Чарльза Вильсона.

Так вот, Ватсон, аппарат этот – Холмс буквально задохнулся от переполнявших его чувств, – аппарат этот способен передавать звук человеческой речи без телеграфных прово-

дов!!! Прямо сквозь воздух! Также, как и телефон Белла, связь по которому, как вы знаете, ограничена всего лишь десятикилометровой двухпроводной линией, но без всяких проводов и на огромные расстояния. Какое-то, доселе неизвестное науке особое излучение, вроде магнитного поля. По аналогии с телефоном это называется, – «Радиофон».

Я слушал его, раскрыв рот. Так маленькие дети слушают сказки о ковре-самолете, сапогах-скороходах и о скатерти-самобранке.

– Но, простите, Холмс, мне что-то не совсем понятно, – я, как и он, тоже почему-то перешел на таинственный шепот, и мой голос даже слегка захрипел от передавшегося мне возбуждения, – это же совершенно невозможно! Природа магнетизма и природа звука суть – разные субстанции! Как это вообще может быть? Это же нонсенс!

– Я в таком же недоумении, как и вы, Ватсон, но, тем не менее, это так. Майкрофт сказал мне, что он прекрасно понимает, как работает этот волшебный аппарат, и легко бы объяснил принцип его работы и мне, но это совершенно невозможно.

Холмс приблизил свои губы вплотную к моему уху, и я почувствовал на своей щеке его прерывистое, горячее дыхание, – потому что нельзя! – наложен двойной гриф «Совершенно секретно»! Но, как вы сами понимаете, друг мой, я не сомневаюсь во всем этом и без всякого объяснения, потому что привык и так верить своему старшему брату. Тем более, что мне была предоставлена уникальная возможность самому воспользоваться этим чудом современной науки. Слышимость, правда, неважная, но большинство слов разобрать вполне можно. Вы не поверите, но, не выходя из подвалов министерства, находящегося, как вы знаете в самом центре Лондона, я целых двадцать минут разговаривал с нашим военным атташе в самом Петербурге, тут же, получая от него ответы, на все интересующие нас с вами вопросы!

Звук моего голоса мгновенно, прошу вас, Ватсон, обратить на это особое внимание, потому что как мы знаем скорость распространения звука в воздушной среде в отличие от скорости передачи электричества по проводам всего-то каких-то там 300 ярдов в секунду! Так вот – он мгновенно!!! пробежал эти разделяющие нас 428 морских миль. И это, не считая секретного подземного кабеля через Ла-Манш! Хотя причем здесь этот кабель – ума не приложу! Все это, Ватсон, невозможно не только понять, но даже и вообразить! Я до сих пор не могу прейти в себя от этого потрясения. Это создает такие огромные возможности для сыска, что сейчас я даже затрудняюсь их прогнозировать. Я уверяю вас, Ватсон, что это изобретение изменит облик всей нашей цивилизации. Через несколько лет с преступностью во всех развитых странах будет полностью покончено! Человеку, совершившему преступление, просто негде будет скрыться от органов правопорядка, вооруженных этими «Радиофонами». М-да...

Но, я вижу, друг мой, вам не терпится поскорее получить добытую мною информацию и по-нашему, более скромному, но тоже безумно интересному делу. Так вот: во-первых, еще вчера утром у меня в руках уже был первоклассный перевод этой вашей «Пиковой дамы», – при этих словах он вытащил из бокового кармана небольшой, но уже переплетенный аккуратный томик с золотым тиснением на обложке.

– Эту вашу книжицу за два часа не только перевели на прекрасный английский язык, но даже напечатали и переплели. Это обошлось мне в две гиней против одной за срочность, но дело стоило того! Я, наконец, смог скрупулезно поработать над этим интереснейшим текстом и сделать все необходимые мне выписки по этому делу.

Теперь, по существу. Сопоставив конкретные детали, которые я почерпнул из самого текста и, проанализировав информацию, полученную из России, я пришел к очевидному, но поразительному даже и для меня самому выводу, – причиной смерти старухи-графини был совсем не Германн, как это очень драматично описано у автора, а другое лицо, и даже не лицо, а группа лиц! Более того, полученные мною позже документальные источники из самой России, доставленные, кстати, всего за десять часов на двухмоторном цеппелине прямо в Хитроу, и уже через

час бывшие уже в моих руках, полностью подтвердили, не побоюсь этого слова, это мое, действительно, гениальное предположение.

К сожалению, Ватсон, я с минуту на минуту ожидаю одно очень важное событие, поэтому не буду сейчас подробно раскрывать перед вами весьма объемную структуру полученных мною конкретных фактов и доказательств, позволяющих объединить их в достаточно простую и логичную версию всего произошедшего в Петербурге в середине декабря более чем полвека назад. Так что, дорогой доктор, если вы готовы меня выслушать, то двигайтесь ближе, потому что – время не ждет! От огромного количества, выкуренного за последние сутки табака у меня, кажется, начинает садиться голос.

Версия Шерлока Холмса

Записана мною на следующий день, по памяти. Цитаты взяты прямо из записной книжки Холмса.

– Начну сразу с фактов. Как ясно из самого оригинального текста Пушкина, граф Томский боготворит княжну Полину, но, самое главное и самое трагичное во всей этой истории, Ватсон, что и княжна без ума от богатого и знатного офицера-красавца. Вот за этот кончик нашего запутанного клубка я и ухватился в первую очередь. Тем более у самого Пушкина, Полина, в конце концов, все-таки добивается своего. Вот она, эта, кстати сказать, заключительная фраза всей повести. Не потому ли автор именно этой фразой закончил свое повествование, выведя ее в конец текста наподобие ключа ко всей этой шифрограмме?

«Томский произведен в ротмистры и женится на княжне Полине»

– А ведь Пушкин прав, если появится вдруг какое-либо препятствие на пути влюбленной женщины, да еще такой, как эта Полина – то берегись! А такое препятствие в нашей истории, к сожалению, имеется. Это как раз та самая старая карга – графиня, которая, как явствует из полученных мною из России бумаг, была категорически против этого союза. Кстати, истинная фамилия старухи графини, о которой Пушкин умалчивает по соображениям такта, благодаря Холмсу теперь хорошо нам известна. Причем, именно эта известность, полностью исключает появление ее имени на этих страницах.

Ясно, что при ее своенравии и деспотизме, этого брака без ее согласия просто не могло бы состояться. Пойти же против ее воли наши влюбленные голубки тоже никак не могли. Ведь, единственный путь к благополучию и безбедной жизни лежал у них через наследство графини, которое в большей своей части должно было перейти к ее любимчику Полю (свое состояние, оставленное ему покойным отцом, он к тому времени уже успел размазать по зеленому ломберному сукну многочисленных игорных притонов Петербурга). А ведь эти деньги им так нужны! Причем, сейчас! Но получить их в наследство можно только в том случае, если Поль не будет противоречить воле старухи, а наоборот – будет продолжать исправно играть роль заботливого любящего внука.

Но все эти грустные рассуждения, которым часто предавалась сметливая княжна, верны лишь до тех пор, пока старуха жива. А если – не жива? Если же – не жива, то и в жизни Поля, и в ее собственной жизни все сразу кардинально меняется. Думать об этом так приятно, но, когда это еще будет! Не дожدهшься! Юность ведь безумно нетерпелива, Ватсон. И вот, в маленькой пригожей головке обольстительной княжны рождается этот простой и в тоже время «гуманный» план:

Ей ведь хочется, как: Раз! И одним махом прекратить мучения всех участников этого адского треугольника. Причем, я не оговорился, именно всех – и графини тоже. Ведь молодым, здоровым, красивым, да еще и богатым не понять, как эта девятистолетняя старуха может существовать в таком жалком состоянии, не желая самой себе скорейшей кончины. Эта жалкая немощность, дряхлость и отвратительное уродство старости! Что может быть ужаснее? Бр-р! Да как она только может все это терпеть! Я бы уже давно наложила на себя руки. Правда, самоубийство – великий грех. Но ведь можно проявить к ней милосердие, можно помочь ей избавиться от этих мучений, сохранив при этом ее бессмертную душу. Лишь слегка подтолкнуть к краю бытия, слегка помочь... И вот вам – всё, всем и сразу – нам с Полем рай земной, а ей вечное блаженство на небесах!

Так или, примерно так рассуждает влюбленная молодая княжна, обдумывая все детали этого преступления. И вот, наконец, решение принято. Все подготовлено. Заветная скляночка, купленная ею по случаю, уже надежно припрятана в одном из секретных отделений ее секретера. Остается лишь одно – найти исполнителя этой «гуманной» миссии. Поль, в принципе, на ее стороне. Этот маленький красивый ребенок. Он на все согласен. Стоит только взять его руку и приложить к своему сердцу – и вот он уже полностью в ее власти. Правда, быть участником убийства собственной бабки, которую он, правда, ненавидит не меньше ее, отказывается наотрез. Да он и не годится для этого – слюняй! Может дрогнуть и в последний момент все испортить...

Но, лиха беда начало. Не прошло и недели, как исполнитель найден. Да, какой! Удобный, надежный и безотказный. Падчерица старухи. Или кто она ей там? – приживалка, бедная родственница, а может быть тайный плод греховной любви? – это неважно. Важно, что и она, такая же молодая, и такая же измученная капризами и придирками старой гримзы, согласна на все. Она желает ее смерти даже больше, чем мы с Полем...

Кстати, Ватсон, ей – воспитаннице, тоже кое-что перепадет по завещанию после смерти своей ненавистной благодетельницы. Крохи, конечно, но вкупе с ее миловидностью, свежестью, а как мы вскоре узнаем, и развращенностью, так возбуждающей солидных мужчин, вполне достаточно, чтобы составить перспективную партию. Так что все резоны налицо. Это, кстати, подтверждает и сам автор нашей печальной повести, – Холмс достал свою неизменную записную книжку, где под заголовком «Дело Александра Пушкина» его каллиграфическим почерком были сделаны соответствующие выписки:

Преступные мотивы Лизаветы Ивановны

*– В самом деле, Лизавета Ивановна была пренесчастное создание. Горек чужой хлеб, говорит Данте, и тяжелы ступени чужого крыльца, а кому и знать горечь зависимости, как не бедной воспитаннице знатной старухи? Графиня ***, конечно, не имела злой души; но была своенравна, как женищина, избалованная светом, скупа и погружена в холодный эгоизм, как и все старые люди, отлюбившие в свой век и чуждые настоящему...*

– Она была самолюбива, живо чувствовала свое положение и глядела кругом себя, – с нетерпением ожидая избавителя...

– Сколько раз, оставя тихонько скучную и пышную гостиную, она уходила плакать в бедной своей комнате, где стояли ширмы, оклеенные обоями, комод, зеркальце и крашеная кровать и где сальная свеча темно горела в медном шандале!»

Эти мои выписки, Ватсон, очень красноречиво представляют далеко не полный список побудительных мотивов, толкающих бедную послушницу на совершение этого гнусного преступления.

И вот заговор составлен. Всё между Полиной и Лизой давно переговорено. Роли распределены. Дни старухи сочтены. И Томский, наконец, во время мазурки передает Лизавете Ивановне эту вожделенную скляночку с ядом, прямо там, на балу у посланника, за минуту до этого, получив ее из рук Полины. Лиза догадывается, что и он в курсе их заговора, хорошо понимая при этом, что все основные нити только в руках у Полины. Ни Поль, ни Лиза ничего не знают наверняка:

Во все время шутил он над ее пристрастием к инженерным офицерам, уверял, что он знает гораздо более, нежели можно было ей предполагать, и некоторые из его шуток были так удачно направлены, что Лизавета Ивановна думала несколько раз, что ее тайна была ему известна.

Пока, как видите, все для наших заговорщиков складывается просто восхитительно. Одна из неперменных обязанностей Лизы – сразу по приезде после бала поднести старухе ее неизменный липовый отвар, который она принимает перед сном каждый вечер – всегда и неукоснительно. В будние дни его подносит Глафира, дворовая девка, а когда они с Лизонькой возвращаются поздно, после бала, то ночную эту чашку подносит она сама. Еще один, специально придуманный старухой, садистский акт ее уничижения. Чтобы помнила, кто она такая, и знала свое место.

Обычно старуха выпивает свое лекарство сразу, залпом, а пустую чашку отдает обратно своей воспитаннице. Только после этого священнодействия, бедная содержанка может быть свободна до утра, и отправляется в свою комнату. Таков уж заведенный издавна порядок. А в ее комнате есть свой рукомойничек, где чашечку можно на всякий случай тщательно отмыть, а утром Глафира ее приберет, чтобы вечером уже снова поднести своей барыне. И все. Все, как всегда. В случае чего, комар носа не подточит!

Но он, как назло, тут как тут, Ватсон! Нет, – ни комар! Как всегда, вмешался в дело этот пресловутый его величество случай, и смешал заговорщикам все роли в этой хорошо поставленной драме. Внезапно влез на сцену этот зануда Герман. Накануне бала он неистово требует свидания, и Лиза, соблазнившись его хорошо скрытой порочностью и смазливой наружностью, еще не зная, что задуманное ими злодейство решено осуществить именно сегодняшнюю ночью, назначает ему амурное свидание в своей спальне как раз на это время. Что, кстати говоря, совсем не делает ей чести. Ведь они с Германом не только не представлены друг другу, но даже пока лично не знакомы.

Но это все пока догадки и эмоции, Ватсон. А вот вам и факты: главарь всей этой преступной банды. Да, да, Ватсон, что вы так на меня смотрите? Именно главарь! Это же преступный сговор группы лиц с целью преднамеренного убийства – это петля, Ватсон. Во всяком случае, по законам нашего королевства. Петля для всех троих – и давайте не будем об этом забывать. Так вот, главарь банды – красавица Полина, принимает решение – оставить все так, как было спланировано. Это даже лучше. В случае если что-то пойдет не так, то всегда есть этот алчный немец, которого легко сделать козлом отпущения.

Полина, зная от Поля, как Германн среагировал на вздорный анекдот по поводу всей этой чертовщины с картами, хорошо понимает, что того интересует не сомнительные прелести этой озабоченной приживалки, а лишь секрет мифического карточного выигрыша. Ему нужно во что бы то ни стало оказаться наедине со старухой. Ну что ж, раз хочет – пусть так и будет...

А дальше все идет, действительно, как по писаному – Германн, подглядывает за «отвертительными тайнствами» приготовления графини к ее последнему в жизни, вечному сну, потому что питье, любезно поднесенное смиренной ее воспитанницей, уже у нее внутри, а тщательно вымытая чашка давно стоит в Лизиной комнате на полке. А сама Лиза, спустившись оттуда по винтовой лестнице вниз, в этот маленький коридорчик за дверью, трясущаяся и бледная как смерть, изнывая от страха и нездорового любопытства, тоже подглядывая в щелку, но уже из другой двери – напротив. Эдакий театр одного актера. И двух зрителей. Лизонька взволнована. Ее сейчас интересует только одно – мог Германн видеть, что сегодня именно она подавала старухе смертельное питье или нет. Понял ли он, что старая карга уже на пороге смерти? Ведь яд уже начал действовать и оба видят одно и то же:

«Графиня сидела вся желтая, шевеля отвислыми губами, качаясь направо и налево. В мутных глазах ее изображалось совершенное отсутствие мысли: смотря на нее можно было подумать, что качания страшной старухи происходило не от ее воли, но по действию скрытого гальванизма».

– Да, Холмс, похоже, вы правы – налицо явные симптомы действия сильного алкалоида, – не вытерпел я и вклинился в его захватывающий рассказ, – «...затемнения рассудка, перемежающиеся краткими периодами ремиссии с временным восстановлением зрительной и речевой функций...» продекламировал я по памяти какое-то пособие. Ваше описание очень схоже.

– Не моё, Ватсон! В том то и дело, что не мое! Это описание самого Пушкина!

– Да? Надо же! И как грамотно передано, Холмс! В этой стадии отравления ей уже не помогло бы даже обильное питье теплого молока, кровопускание и даже впрыскивание больших доз камфары под кожу. Судя по приведенным симптомам, бедная женщина уже обречена.

– Вы, как всегда, совершенно правы, мой друг, потому что дальше у Пушкина как раз и описан момент такой ремиссии:

«Вдруг это мертвое лицо изменилось неизъяснимо. Губы перестали шевелиться, глаза оживились: перед графиней встал незнакомый мужчина».

Это, как вы помните, уже наш главный герой выступает со своей партией, включается в свою, не мене чудовищную игру. Вернее, не вступает, а просто категорически требует от бедной, уже умирающей и временами плохо понимающей происходящее, старухи секрет волшебной выигральной партии. Но, естественно, не получает его. Потому что никакого секрета у нее просто-напросто нет. Все эти рассказы о трех беспроигрышных картах не более чем блеф, анекдот, шутка, как в секунды просветления и пытается объяснить ему сама, уже отходящая в мир иной, женщина. Помните Ватсон, что говорит об этом сам ваш кумир:

«Это была шутка, – сказала она, наконец, – клянусь вам! Это была шутка!»

– Но, ослепленный алчностью Германн, так же, как и она, уже безнадежно болен. Он явно не в себе. Ведь его душевная болезнь, Ватсон, началась не после проигрыша у Чекалинского. Нет! Это случилось много раньше. Неужели вы не заметили, что он свихнулся уже тогда, сразу после рассказа Поля? Его практичный мозг, с намертво впаянным в него истинно немецким тезисом: *«никогда не жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее»*, тоже уже отравлен этой, воистину удивительной и неискоренимой, чисто русской идеей, – получить все и сразу, причем без каких бы то ни было лишних хлопот и, не слезая, с теплой печи. Прочитайте еще раз со вниманием это место, и вы согласитесь со мной:

«Анекдот о трех картах сильно подействовал на его воображение и целую ночь не выходил у него из головы. Что, если, – думал он на другой день вечером, бродя по Петербургу, – что, если старая графиня откроет мне свою тайну! – или назначит мне эти три верные карты! Почему не попробовать своего счастья?»

Вы же врач, Ватсон! Неужели вы не видите этих явных признаков хорошо нам с вами знакомого параноидного бреда, с полным отсутствием какой бы то ни было логики? Ведь Томский сразу после рассказанного своего анекдота, как будто специально для Германна отмечает, что ни своему старшему сыну, его отцу, ни трем ее другим сыновьям, заядлым картежникам, ни их детям – никому зловредная старуха не раскрыла своего секрета. И совершенно ясно, что с ее характером она не раскрыла бы его никогда, даже если бы он и на самом деле был, и уж тем более какому-то безродному немцу-инженеру. Смешно!

Но Германн с упорством маньяка продолжает настаивать:

«– Можете ли вы, продолжал Германн, – назначить эти три верные карты? ... Он остановился и с трепетом ожидал ее ответа. Графиня молчала; Германн стал на колени...»

Откройте мне вашу тайну. Подумайте, что счастье человека находится в ваших руках; что не только я, но дети мои, внуки и правнуки благословят вашу память и будут ее чтить, как святыню...

Старуха не отвечала ни слова.

Германн встал.

– Старая ведьма! – сказал он, стиснув зубы, – так я ж заставляю тебя отвечать...

С этим словом он вынул из кармана пистолет.

При виде пистолета графиня во второй раз оказала сильное чувство. Она закивала головой и подняла руку, как бы заслоняясь от выстрела... Потом покатилась навзничь... и осталась недвижима.

– Перестаньте ребячиться, – сказал Германн, взяв ее руку. – Спрашиваю в последний раз: хотите ли назначить мне ваши три карты? – да или нет?

Графиня не отвечала. Германн увидел, что она умерла.

Вот мы и дошли с вами, дорогой Ватсон, до кульминации этой страшной и, теперь уже, несомненно, криминальной драмы. Полагающийся для этого труп теперь уже налицо!

Графиня мертва, но, как я вам уже говорил, не Германн причина ее смерти. Если он в чем и виноват, то лишь в своей излишней экстравагантности, а проще говоря, легком умопомешательстве, в котором он уже находился в тот роковой момент. Ведь теперь с очевидностью ясно, что предсмертные конвульсии, обусловленные исключительно действием яда, недалекий немец ошибочно принял, на свой счет – как неадекватную реакцию старого человека на его угрозу. И словами автора Герман сам нам об этом говорит:

«И кажется, – продолжал Германн, – я причиною ее смерти».

В этом смысле, Полина и здесь оказалась права. Если вдруг и начнется расследование дела о насильственной смерти старухи-графини, то первый претендент на ее, пусть и невольное, но все-таки убийство – именно Германн, который к тому же еще и сам в этом уверен.

Холмс поднялся с кресла, деланно поклонился: «*Quod erat demonstrandum*» (что и требовалось доказать!) и обратно занял свое место.

Несколько минут мы просидели молча, как бы вновь переживая все перипетии открывшегося перед нами ужасного злодеяния.

Да, Холмс, – я первым нарушил молчание, – вы как всегда на высоте! Не вдаваясь в детали, полученных вами дополнительных материалов по этому делу, скажу лишь, что даже черновая версия происходящего, так мастерски представленная вами, безукоризненна не только с точки зрения вашего дедуктивного метода и формальной логики, но и совершенно согласуется с последними данными медицины, физиологии и психологии. Я это говорю не как почитатель вашего таланта и ваш друг, Холмс, а как профессионал в этой области. Bravo, мой друг! Просто, bravo!

Как жаль, что все эти события, выражаясь словами самого нашего автора, всего лишь «дела давно минувших дней, преданье старины глубокой». Ведь они происходили не только в туманные времена начала века, но и в далекой, во многом непонятной для нас европейцев, полу азиатской стране. Стране – блистательных царей, восточных дворцов, безграничных заснеженных пространств с несметными богатствами и умопомрачительной нищетой разбросанного среди всего этого великолепия разношерстного народонаселения. Жаль, что мы не сможем пролить свет на ту, вторую, не менее захватывающую и жутковатую мистическую часть этой истории.

– Ха – ха – ха, – Холмс раскатисто рассмеялся, – вы имеете в виду, Ватсон, эту тень из «Гамлета» в русской постановке, – тень дряхлой старухи в чепце и белых тапках явившуюся

юся к нашему герою, чтобы открыть, наконец, ему свою страшную, несуществующую тайну? Старухи – по вине которой он, словно в насмешку, вместо получения состояния, останется нищим, без средств к существованию и с белым билетом на руках? Такой, кажется, документ в то время выдавался умалишенным на Руси вместо паспорта. А, впрочем, может тогда там, и паспортов-то еще никаких не было.

А вам не приходило в голову, милый мой друг, что поведение всех этих потусторонних сил выглядит в рассказе какое-то странно. Я бы даже сказал, дурно и совершенно нелогично, что, согласитесь, не очень-то вяжется с действиями, хоть и потусторонних, но все-таки «высших сил». От них, от этих «высших сил» хотелось бы ожидать и какой-то «высшей логики» в своих действиях. А, Ватсон? Разве вы не согласны со мной? Это же все-таки – *высшие силы*! Ну, как-то не солидно, право слово! – Холмс опять рассмеялся своим искренним веселым смехом.

– Я не совсем вас понимаю Холмс, – в который уже раз на протяжении этой нашей беседы удивился я, – куда вы опять клоните? Не хотите ли вы сказать, что и в этой, мистической части нашей «повести прошедших лет», возможно просто вымышленной автором, тоже есть что-то, что подвластно вашему дедуктивному анализу, которым вы так легко и виртуозно, будто секционным ножом расчленяете пороки нашего, увы, пока еще такого несовершенного мира!

– А ведь, хорошо и очень образно сказано, Ватсон! Вы как всегда, опять попали в яблочко!

– Но, Холмс! Пожалейте меня. Я так и жду, что вы сейчас опять скажите эту вашу знаменитую и, не побоюсь этого слова, довольно пошлую фразу – «Это же элементарно, Ватсон!» – рассмеялся и я в ответ, – Но нет! Тут даже вы бессильны, мой дорогой друг! Эта, вернее, та – потусторонняя сторона нашей жизни, я уверен, недоступна даже и для вашего изощренного ума. Это невозможно, Холмс, по той простой причине, что это невозможно в принципе! Именно потому оно и потусторонне, что находится по ту сторону человеческих знаний, логики и принципиальной возможности понимания простыми смертными природы всех этих явлений.

– Что ж, Ватсон, опять поздравляю! Сказано, безусловно, умно! Да, я, как вы хорошо знаете, действительно стараюсь сторониться всего, так называемого, «потустороннего» и предпочитаю иметь дело только с земными пороками, свойственными лишь людям грешным, состоящим из плоти и крови. Но, – вынужден вас огорчить. Весь ваш пафос потрачен впустую. Уверю вас, что никакой мистикой и в этой второй части нашей истории даже и не пахнет. А пахнет там, Ватсон, хоть и весьма изощренным, но отвратительнейшим криминалом!

– От этих его слов, я буквально остолбенел в своем кресле.

– Но позвольте, Холмс! Как же это может быть! – Нет мистики! А дух старухи? А назначенные ею три карты? Ведь именно о них и идет речь в этом сочинении. Карты, как олицетворение одного из самых отвратительных людских пороков – и есть главный стержень всего этого произведения. Пиковая дама даже выведена в его заглавие.

– Дух старухи, – Холмс вновь рассмеялся, – опять хорошо сказано, Ватсон. Вы сегодня просто в ударе. Прекрасный каламбур. Но и здесь я вынужден вас огорчить – никакого «духа старухи» в этой истории не было и в помине. Огорчу вас и в том вашем постулате, что дело это, мол, «давно минувших дней», как вы изволили изящно выразиться, и что, мол, все его персонажи давно уже истлели в могиле, а потому ничто уже нельзя документально подтвердить, или опровергнуть. А все эти мои досужие рассуждения, ни что иное, как лишь забавная игра ума, – ни к чему не обязывающие сомнительные логические построения страдающего от скуки сыщика-консультанта. От скуки и передозировки кокаина. А, Ватсон? Вы еще и позавчерашнюю инъекцию мне припомните!

– Да что вы Холмс, – вскричал я, – помилуйте! Я имел в виду совсем другое. Простите, но выдвинутый вами же самим тезис об огромном временном интервале, отделяющем наш

индустриальный век от того, давно забытого патриархального времени, тоже нельзя сбрасывать со счетов. Ведь с тех пор прошло уже более полувека. Срок, согласитесь, немалый...

– Холмс лишь лукаво улыбнулся, но ничего мне на это не ответил. Похоже, ему было сейчас не до моих высокопарных сентенций. Он уже не сидел в кресле, а нервно ходил по комнате, то, бросая быстрый взгляд на часы, стрелки которых приближалась уже к четырем, то, поглядывая, сквозь мокрое стекло на блестящую от моросящего дождя и пустынную в это время дня булыжную мостовую Бейкер-стрит.

– Мы что, ждем гостей, Холмс? – спросил я, тоже вставая с кресла и направляясь к другому, соседнему окну нашей гостиной.

– И ждем, как я вижу, не напрасно! Я просто не хотел вам раньше времени обо всем этом говорить, но вон тот, кэб, с лихим кучером на козлах в виде, хорошо вам знакомого, инспектора Лестлейда, приближает к нам как раз то самое «невозвратное прошлое», о котором вы только что, так страстно рассуждали. Смотрите, это «прошлое» подвозят прямо к дверям нашего дома. И прямо сейчас, здесь перед вами факир-консультант сдернет с этого пыльного прошлого свое черное покрывало Времени, и вы его, наконец, увидите, хотя уверяю вас, ничего приятного в этом, скорее всего, не будет...

И, действительно, абсолютно мокрый и блестящий от дождя кэб остановился прямо у наших входных дверей, и я с нескрываемым любопытством следил за тем, как инспектор лихо соскочив с козел, открыл тоже мокрую, лакированную дверцу и подал руку, какой-то леди в длинной серой накидке и в такой огромной шляпе, что разглядеть сверху ни только ее лицо, но даже и фигуру, совершенно не представлялось возможным. А буквально через несколько секунд двери гостиной распахнулись, в них возникла наша неизменная миссис Хадсон, которая торжественным голосом громко объявила: «*Инспектор Лестлейд и графиня Томская, к мистеру Шерлоку Холмсу...*»

– *Эсквайру* – после небольшой паузы добавила она, так как никаких других титулов кроме этого у нашего знаменитого консультанта, к глубокому ее сожалению, пока не было.

От этих слов у меня буквально подкосились колени, и я чуть не сел в стоявшее сзади меня кресло, что ни смог бы себе простить потом всю оставшуюся жизнь, потому что именно в этот момент, пропущенная преувеличенно почтительным жестом инспектора, в комнату вошла женщина. Вернее, даже не женщина, а, судя по ее изысканным и, я бы даже сказал, слегка высокопарным манерам, настоящая леди. Я сразу понял, что это и есть та самая графиня Томская, урожденная княжна Полина из прочитанной нами два дня назад воистину волшебной книжки. Да, Холмс был прав – это было чудо. Чудо, которое случается только в детских сказках.

Вуаль прикрывала ее лицо, и казалось, что сейчас она поднимет свою изящную руку в серой перчатке из тончайшей лайки, изысканно отбросит эту вуаль вверх, на широкие поля своей шляпки, и я увижу сияющие задором молодости, бездонные глаза и обольстительную улыбку той далекой, прелестной в своей какой-то особенной красоте, русской княжны. Как будто она, как птица Феникс, выпорхнула оттуда к нам, сюда. Выпорхнула из навеянных белыми выюгами северных снов великого писателя...

Мы с Холмсом почтительно поклонились. Дама тоже слегка кивнула и, не сказав ни слова, медленно прошла по ковру, тяжело опустилась в кресло для посетителей, стоящее у стола. Романтический морок спал с моих глаз. Перед нами сидела умудренная жизнью и уже слегка уставшая от нее пожилая леди. Мне показалось, что сквозь вуаль она смотрит прямо на меня.

И тут со мной что-то произошло. Казалось, пол на секунду куда-то провалился, какой-то грязный туман и смутные тени заколыхались перед моими глазами. На мгновение мелькнуло видение слабо освещенной комнаты, и какая-то тень в кресле чуть видная на фоне ночного окна. Это длилось буквально мгновение, и вот я снова стою здесь, в нашей гостиной, с бешено колотящимся сердцем. Стою рядом с Холмсом, прислонившись, как и он, к подоконнику одного из наших высоких стрельчатых окон, и тоже спиной к свету, а Лестлейд, как вер-

ный пес, занял охранную позицию, подпирая косяк приоткрытой двери. Его яркий клетчатый пиджак, с огромными накладными карманами, длинный коричневый шарф, обмотанный вокруг шеи, и такого же цвета гетры, заправленные в желтые башмаки на высокой шнуровке, крепко сшитые из грубой свиной кожи и забрызганные свежей грязью, резко контрастировали со скромным, но изысканным нарядом старой графини...

Было все это со мной или только привиделось? Нервы – не к черту! Надо бы сегодня вечером вызвать фельдшера и облегчить кровь, – подумал я. А в комнате тем временем повисла гнетущая пауза.

– Мадам, – Холмс первым прервал это тягостное молчание, – я хотел бы сначала поблагодарить вас, за то, что вы, не посчитавшись с немалыми тяготами проделанного вами путешествия и, не оставив без внимания просьбу моего старшего брата Майкрофта Холмса, исполняющего в настоящее время чрезвычайно важные функции помощника при министре иностранных дел, любезно согласились посетить нас и, надеюсь, не откажете нам в любезности ответить на некоторые вопросы, которые я намерен вам задать? Это, мой друг и помощник доктор Ватсон. Инспектора Лестлейда, я надеюсь, представлять вам нет необходимости.

Безукоризненная вежливость Холмса ни в коей мере не компенсировала его ледяной холодности.

Я еще раз вежливо поклонился, Лестлейд у двери приподнял свое неизменное клетчатое кепи, достал блокнот, и дальше все время, что-то непрерывно строчил в нем на протяжении всей нашей последующей беседы.

– Благодарю вас, мистер Холмс, – начала графиня, и мы впервые услышали ее глубокий, полный достоинства, достаточно низкий, грудной голос. – Благодарю вас, сэр, за правильно выбранный и, единственно возможный в такой ситуации, тон нашей беседы. Ваша исключительная вежливость и, несмотря на известные вам обстоятельства, уважение к моему титулу и возрасту, заставляет и меня, со своей стороны, проявить в ответ максимальную откровенность в освещении интересующих и, к моему безграничному изумлению, откуда-то известных вам частных событий моей жизни пятидесятилетней давности. В своем письме ваш брат, сэр, Майкрофт Холмс, просьбам которого я, в силу известных обстоятельств, о которых умолчу, отказать никак не могу, написал мне, что вас интересует. А именно все то, что произошло в Петербурге в период времени заключенный между днем смерти, известной вам графини***, бабушки моего, ныне покойного мужа, графа Петра Александровича Томского, и вплоть до момента нашего с мужем отъезда из России в Англию, которую ни он, ни я, ни разу не покидали с тех пор. Сразу же хочу ответить и на поставленный им в письме прямой вопрос, – голос графини предательски дрогнул, но она справилась со своими чувствами и продолжала:

– Вопрос о существовании того препарата, который был тогда применен. Этот флакончик привезли из Индии, и содержал он смесь некоторых одурманивающих алкалоидов, малых количеств яда кураре с добавлением вытяжки из каких-то восточных растений.

– Мы с Холмсом понимающе переглянулись.

– Единственно, что я хочу еще вам сказать, господа, чтобы окончательно закрыть эту тему, так это то, что события, о которых вам надлежит сейчас услышать, являются для меня самыми ужасными и трагическими на протяжении всей моей, богатой на разные превратности и, поверьте, непростой жизни. ...Но в этом, господа, – голос ее опять дрогнул от волнения, – не люди, а теперь только Бог мне судья...

– А может и сам дьявол, – вдруг закончила она после небольшой заминки со странным смешком. И, если бы не заботы о Лизе – моей юной воспитаннице...

Голос ее задрожал еще сильнее, но она тут же взяла себя в руки, – а, впрочем, к делу, господа...

Рассказ графини Томской

(составлен мною по памяти, с использованием записей, сделанных инспектором Лестлейдом в своем блокноте. (Кстати, почерк – отвратителен!))

На следующее утро, джентльмены, после той, известной вам трагической ночи, все уже знали, что старая графиня скоропостижно скончалась, а уже ближе к вечеру Поль вернулся с секретного совещания, устроенного самыми близкими родственниками графини, на котором доверенным лицом покойной было зачитано ее последнее желание. Через него мне и стало известно, что дела ее были, не так уж и хороши, как все думали, а вернее, совсем даже не хороши. Оставшийся ей после смерти мужа действительно огромный капитал, брошенный на протяжении последних двух десятков лет, на попечение людей, мягко говоря, недобросовестных, а проще – настоящих вору и стяжателей, был практически полностью разграблен. Тоже немалая ее недвижимость, разбросанная по разным местам, находилась в полнейшем запустении, и требовала многолетней скрупулезной работы по ее приведению в надлежащий порядок. В частности, огромный дом, в котором графиня жила со всей своей многочисленной челядью, давно был заложен, часть загородных имений надлежало срочно продать за долги, ну и все остальное в таком же роде...

Родственники покидали это собрание со скорбным видом, и не потому, что им жаль было вздорной старухи, а исключительно потому, что хотя они и предполагали, что дела ее не так уж и хороши, но не думали, что все выйдет таким неопределенным и запущенным, а потому почти безнадежным.

Поль вернулся оттуда грустным и осунувшимся, потому что начинать новую, самостоятельную и свободную жизнь, как мы с ним планировали, в таком финансовом его положении было решительно невозможно. Наступили дни какого-то безысходного уныния. Тому причиной было, конечно, и совершенное нами это ужасное злодеяние. Мы даже как-то немного стеснялись видеть друг друга и говорить об этом. Я, сказавшись больной, все больше сидела дома, не совершая ни прогулок, ни выездов, ни визитов. Что было с Лизаветой Ивановной в те дни мне доподлинно неизвестно. Из письма же, полученного от нее, – накануне мы договаривались, что утром я должна буду получить от нее полный отчет обо всем происшедшем в доме старой графини после их приезда с бала, – я в подробностях узнала о том, что произошло там той страшной ночью.

Что касается Поля, то он проводил все это время в кутежах с многочисленными своими приятелями, да в карточной игре. Он-то и принес мне на другой день весть о том, что знаменитый Чекалинский собирается из Москвы к нам, в нашу северную столицу. Это был человек, о котором знали лишь, что, как пишет об этом Пушкин:

«В Москве составилось общество богатых игроков, под председательством славного Чекалинского, проводившего весь век за картами и нажившего некогда миллионы, выигрывая векселя и проигрывая чистые деньги».

Никто из людей нашего круга в лицо его не знал. Говорили, что в Петербурге последний раз бывал он очень давно, а обретался все больше за границу. Тогда-то у меня и возникла эта идея насчет Германа. Я попросила Нарумова, который был от меня без ума, а потому мог выполнить все, что только я захочу, следовать за немцем неотступно, куда бы тот ни направлялся, и сообщать мне о каждом мало-мальски серьезном его шаге. Нарумову это было не сложно, так как они с Германом давно считались близкими приятелями. Безумный, на первый взгляд, план – заставить обуреваемого алчностью немца сыграть, в задуманной

мною нечестной игре, поставив на кон все свое состояние, складывался на удивление легко и успешно.

Я знала от Лизы, чего он требовал, но не добился от старухи-графини перед ее смертью. Вот я и решила попробовать воплотить в жизнь этот дурацкий анекдот, рассказанный в шутку Полем, а заодно использовать бредовые фантазии азартного немца против него же самого.

В ночь после похорон, когда мне донесли, что Германн находится на грани помешательства и беспробудно пьет в соседнем трактире, вся моя игра и выстроилась. По моему наущению Нарумову удалось вдрызг напоить его денщика, забрать у него ключ от квартиры, которую снимал полоумный немец, и снять с ключа копию. Ночью, наверное, часа в три, он же и доставил меня на своей крытой двуколке переодетую в белое и заgrimированную старухой прямо к самым дверям его дома.

По дороге я спросила Нарумова, какие карты назначить Германну, так как сама плохо во всем этом разбиралась, и не играла, как тогда было модно. Тот рассмеялся и назвал мне тройку, семерку и туза. Оказывается, в то время появилась новая игра под названием «очко», в которой туз, например, «стоит» 11 очков, а вместе с семеркой и тройкой, все вместе, составляет 21-но очко. Такое сочетание карт гарантирует тому, кому они выпадут, обязательный выигрыш. Названная комбинация – была с его стороны что-то вроде шутки или забавного каламбура, не более. Вообще, все это, господа, делалось тогда

э как-то наобум, несерьезно и больше походило на какой-то веселый, почти детский святочный розыгрыш.

Мы подъехали. Мела поземка. Было холодно и темно. Лишь одинокий газовый фонарь горел у самого дома, освещая его убогий фасад. Улица, насколько хватало взгляда, была пустынна. Ни огонька. Я соскочила с повозки, заглянула в низкое оконце, выходящее прямо в палисад. В доме все было мертво. Ноги мои замерзли в матерчатых ночных туфлях, поэтому я быстро отперла ключом дверь, прошла через сени, где страшно храпел пьяный денщик, и тихо вошла в комнаты. Света не было, но Германн одетый и в сапогах, сидел прямо передо мной на кровати. Он не спал, а только смотрел на меня какими-то мутными, рыбьими и ничего не выражающими больными глазами, а, впрочем, там было темно, джентльмены...

Я быстро пробубнила заранее приготовленный текст, стараясь подражать низкому голосу покойной, потом вышла, закрыв за собой дверь ключом. Когда я вышла, то увидела, что в окне вспыхнул огонек. Я снова заглянула в окошко и увидела, что несчастный сидит за столом и что-то быстро пишет в неясном колеблющемся свете одинокой свечи. Я еще подумала тогда, что документальные источники этого моего визита надо будет, на всякий случай, прибрать к рукам, что позже и было сделано...

Все остальное, господа, вы, наверное, уже и так хорошо знаете из текста, – кивнула она на принесенный Холмсом томик с тисненым золотом на обложке. Alexander Pushkin «The Queen of Spades»...

Графиня замолчала.

Наступившую за этим паузу нарушил бесстрастный голос Шерлока Холмса:

– Прошу меня извинить, мадам, что мне приходится прерывать ваш такой ясный и такой обстоятельный рассказ.

Холмс повернулся в мою сторону.

– Не считите за труд, доктор Ватсон, – обратился он уже ко мне, – прочтите нам, пожалуйста, именно тот эпизод в сочинении господина Пушкина, о котором нам так подробно только что рассказала госпожа графиня. На мой взгляд, это будет весьма интересно и для инспектора. Я уверен, что, такой оригинальный способ понуждения будущей жертвы к совершению ею каких-либо действий, необходимых злоумышленникам для осуществления над ней своего преступного замысла, не встречался даже в его богатейшей практике. Да и мы, заодно, послушаем об этом еще раз, – зная все это уже, со слов...

Холмс на секунду замялся, в поисках подходящего выражения, но быстро нашелся.

– ...Зная это со слов... непосредственного участника тех событий...

Я взял со стола томик и прочел нужное место. Написана эта сцена была мастерски. Она захватывала даже в английском переводе. Все помолчали.

– Все-таки Саша гений, – в наступившей тишине тихо произнесла женщина под вуалью, и в вибрациях ее голоса явственно послышались едва сдерживаемые рыдания, – он по-настоящему любил меня, и эта повесть, как вы, наверное, уже догадались, мистер Холмс, его прощальное послание ко мне. К моей исстрадавшейся, греховной душе! Он не знал, где я нахожусь, потому что мы с Полем уехали из России инкогнито, но был уверен, что эта его весточка все-таки дойдет до меня, причем в таком виде, что никто и никогда не прочтет между строк всего того, что он хотел мне передать словами этой своей повести. Но он ошибся. Гении тоже иногда ошибаются, господа. Хоть я и не держу на него зла за это. Откуда он мог знать, – в голосе графини почувствовалось искреннее изумление, – что найдутся люди, имеющие настолько острый и проницательный ум, что смогут вопреки всякой логике и здравому смыслу прочесть между строк то, что должно было быть понятным только одним единственным человеком.

– Холмс лишь холодно кивнул головой на этот ее, без сомнения, искренний комплимент, но ничего не ответил. Он немым истуканом безмолвно стоял спиной к окну, нахмутив свой высокий лоб и скрестив руки на груди, хотя выступивший легкий румянец, еле заметный на его смуглых скулах, показывал, что такое неприкрытое восхищение его аналитическими способностями было ему не так уж и безразлично.

– Вы были лично знакомы с самим Александром Сергеевичем? – внезапно и как-то по-детски, автоматически вырвалось у меня.

– И не только *знакома*, – под вуалью теперь раздался чуть слышный саркастический смешок, – это он теперь стал полубогом, гениальным классиком русской поэзии. А тогда он классиком еще не был, а был лишь ужасно смешным и настырным маленьким проказником. Этот ваш Александр... Ну, да ладно, господа, – в ее голосе снова зазвучали стальные нотки, – вернемся обратно к нашему рассказу. Мой поезд, господа, отходит от вокзала Ватерлоо ровно через час, а потому времени у нас в обрез.

– Если можно, мадам, – вежливо, но жестко попросил Холмс, остановитесь поподробнее на всей этой карточной мистике. Тройка, семерка и всё такое прочее... Нас также очень интересует и личность этого «легендарного Чекалинского».

– Охотно, поделюсь с вами всем, что знаю, мистер Холмс, я затем сюда и приехала – сказала бывшая княжна и продолжила. – Тут нам с Полем помог тот же Нарумов. А мистики в этом никакой не было, господа. Не было и никакого Чекалинского!

– Я так и знал! – вырвалось у обычно сдержанного Холмса, – прошу прощения, мадам, продолжайте, продолжайте... Это безумно интересно!

– Да, мистер Холмс, никакого Чекалинского в действительности не было, – повторила она с какой-то гадливостью в голосе, как будто ее попросили взять в руки что-то скользкое, холодное и мерзкое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.